

Л. Паутова

“Стабильность по-украински” VS “стабильность по-российски”

Тема *стабильности* за последние годы стала ключевой в политических баталиях, рекламных роликах, наконец, просто в обыденных разговорах. Трактовки самого понятия весьма разнообразны: от привычных рекламных сюжетов про “неповторимый устойчивый вкус” до респектабельных девизов в стиле “Компания N – десять лет стабильности на российском рынке”, “Остров стабильности”, “Наши цены – самые стабильные” и проч. Показателен плавный переход темы стабильности в область иронии и анекдотов. Типичным примером является крылатая фраза, многократно цитируемая и в ответах наших респондентов, и в дискурсе СМИ и интернета: “Вчера послали, сегодня послали, завтра, по-видимому, тоже пошлют... Наметилась определенная стабильность”. В конце 90-х появляется жаргонизм “стабилизец”. Этот эвфемизм, образованный при помощи того же суффикса, что и известное матерное слово, довольно определенно указывает на скептицизм в отношении усилий по достижению стабильности и их результата. Сейчас лозунги, апеллирующие к стабильности, многими воспринимаются как надоевшие, демагогичные и формальные. Однако дискурс стабильности по-прежнему занимает исследователей и актуализирует все новые аспекты изучения темы. Фонд “Общественное мнение” неоднократно обращался к теме стабильности, исследуя, в частности, представления россиян о самом этом понятии и обозначаемом им явлении¹.

Между тем в разных странах представления о стабильности, безусловно, различаются. Конкретная социальная, экономическая, политическая и культурная ситуация существенно модифицирует глубинную смысловую матрицу сознания стабильности. В данной статье будет рассмотрено, насколько представления о стабильности определяются социально-политическими условиями конкретного государства. Цель нашего сравнительного исследования (проводилось оно среди студентов) – выявление сходной смысловой матрицы сознания стабильности и межстрановых различий в смыслообразовании. Рассуждая на эту тему, делясь ассоциациями и даже рисуя, наши респонденты наполняли тестируемое понятие определенными смыслами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Представление о стабильности и справедливости в России и Украине (идеологическое и повседневное измерение)”. 06-03-91311а/У.

¹ Опросы 13–14 января 2001 года, 1–2 марта 2003 года, 3–4 сентября 2005 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов).

Заметим, что современные клише обыденного знания формируются стихийно, но “исходные” понятия, как правило, заимствуются из лексикона политической, научной и культурной элиты. Поэтому прежде всего обратимся к тому, как наукообразное, книжное и достаточно “сухое” понятие “стабильность” превращается в эмоционально окрашенные и противоречивые политические образы.

“Играя в стабильность”: политические интенции в России и на Украине

Анализ исторических и социологических данных позволяет сделать вывод, что слово “стабильность” было частью политического и повседневного советского дискурса 70–80-х годов. Именно тема стабильности дополняла, а порой мягко вытесняла и дискурс борьбы, революции, и более спокойный дискурс дороги, надежд на перемены. Отсутствие негативизма в отношении стабильности/застойности жизни могло в конце концов перерасти в позитивное отношение к такому положению вещей: от идеологически наполненного “Эх, хорошо в стране советской жить!” до спокойного “Все идет своим чередом...” и “Стабильность – признак мастерства”.

В современном обществе основные тенденции социального сознания в значительной степени зависят от телевизионной риторики. Обратимся к тем фреймам стабильности, которые активно использовались в дискурсе СМИ 70–80-х годов. Это прежде всего клише, связанные с ростом гонки вооружений и проблемами Ближнего Востока: “стратегическая стабильность”, “внешнеполитическая стабильность”, “международная стабильность”, “финансовая стабильность”, “стабильность нефтяного рынка” и др. Тот факт, что современная риторика “стабильности” неоригинальна, отмечает в своих работах и социолог Б. Дубин [Дубин]. Дополнительным источником интенции стабильности были, по-видимому, и страхи, связанные с техногенными катастрофами, о которых также часто сообщали СМИ.

Однако для некоторых ощущение тупика в развитии советского общества, его деградации в 70–80-х годах стало поводом для осмысления стабильности как негативного явления – она воспринималась как болото, застой, “тухлая жижа” [Юрьева. С. 12] и т. п.; именно тогда, к примеру, родилась знаменитая песня Б. Окуджавы: “Римская империя времени упадка создавала видимость полного порядка...”

Дискурс перестройки отодвинул на второй план идею стабильности и маркировал ее как застой и стагнацию (“Перемен требуют наши сердца”, – пел Виктор Цой). На первый план вышли темы ускорения, движения, реформ, нового политического мышления, трансформации, свободы, демократии. Однако образ стабильности довольно скоро вернулся, только в более сложных, противоречивых, а порой и радикальных формах.

Когда и кем впервые был выдвинут политический лозунг стабильности в России и на Украине, сейчас установить сложно, оставим эту проблему историкам. Однако заметим, что одной из первых попыток идеологизации стабильности еще на исходе перестройки были заявления ГКЧП в августе 1991 года. После идеологему “Стабильность и развитие, демократия и патриотизм, уверенность и порядок” официально выдвинуло в 1995 году общественно-политическое дви-

жение “Наш Дом – Россия” – не реализованный до конца проект “партии власти”. Позже, в 1995 году, была создана депутатская группа “Стабильность”.

Дефолт 1998 года, безусловно, явился мощным импульсом развития политической и обыденной идеологии стабильности. Именно после этого события в обиход вошли выражения “восстановление стабильности”, “обеспечение стабильности”, “достижение и укрепление стабильности”. Некоторые звучные рекламные слоганы, воспроизводившие идею стабильности, были, однако, дискредитированы суровой реальностью экономического кризиса: “Надежен как скала” и “Стихии не подвластен” (ОНЭКСИМ-банк), “Есть вечные ценности” (ИНКОМбанк). На смену им, однако, пришли новые слоганы: “Я знаю, что будет завтра” (Faberlic), “Все будет хорошо!” (“Русское радио”). Чуть позднее идея стабильности стала компонентом политического имиджа Евгения Примакова. Ассоциативные цепочки “Примаков – стабильность”, “Примаков – стабильность экономики на основе динамики развития” превратились буквально в бренд, который, однако, имел четкую отсылку к образам прошлого. Так, сам Примаков в своем интервью 24 ноября 1999 года напомнил избирателям, что, “согласно недавнему соцопросу, двумя лучшими руководителями СССР россияне назвали Леонида Брежнева и Юрия Андропова, которые как раз и символизировали стабильность и порядок”².

Взрывы 1999 года в России явились мощным катализатором риторики стабильности и позволили в конечном итоге появиться апеллирующим к ней лозунгам кампании “Единства” и В. Путина. Именно страх перед террористическими актами и неуправляемым развитием событий во многом способствовал

² Интерфакс. Архив новостей.

приходу В. Путина в Кремль. В конце 2000 года прозвучало заявление президента: “2000 год стал годом стабильности и единства России”³.

Процессы легитимации и контрлегитимации стабильности в России многообразны и сложны. Сухая и сдержанная идеологическая риторика “Единой России” позиционирует стабильность как “магистральный общественный запрос”, “задачу № 1”, “наше все”. Аффективная риторика КПРФ маркирует стабильность как “квазистабильность”, “имитацию”, “иллюзию”. Полемичный тон

правых направлен против “опасной стабильности”, “псевдостабильности”, “застоя”. На фоне балансирующего, осторожного дискурса стабильности ЛДПР экстремистская направленность национал-большевиков впечатляет (“Какая стабильность у революционера?”). В зависимости от политических целей и идеологического кода стабильность искусно препарируется, маскируется, симулируется. Идея стабильности может быть доминирующей или дополнительной, позитивной или негативной, удобно-догматичной или диалектичной. Поскольку концепт “стабильность” удачно стыкуется с другими политическими идеями, его потенциал очень велик.

В постсоветской Украине понятие “стабильность” (стабільність) также активно использовалось властью, для того чтобы сделать акцент на своей надежности, успешности и легитимности [Головаха. С. 25]. Именно под лозунгом стабильности выстраивалась политика президента Л. Кучмы (“Украина будет двигаться дорогой стабильности, роста и гражданского мира”, “Стабильность и семья – прежде всего”). Однако в последние годы его правления и в оппозиционных, и в научных кругах появились самые разные оценки такого явления, как стабильность. Основные смысловые различия были, по существу, схожи с российскими: “стабильность или застой”, “нестабильная стабильность как феномен украинской стабильности” [Шаповаленко], “Украина – движение в остановившемся времени”⁴, “стабильность, которую предлагает Кучма”. Все различия так или иначе персонифицировались в образе тогдашнего президента (“гарант стабильности”), а позднее – В. Януковича. Напомним, что предвыборная кампания этого политика проводилась под лозунгом “За мир и стабильность!”

Очевидно, что дискурс “оранжевой революции” был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был несовместим с догматикой прежней власти (“За нашу победу! За нашу Украину! Свобода или феодализм? Движение или застой? Перемены или конец! Снова в застой? Вы хорошо подумали?” – из политической рекламы). Инверсия стабильности была решительной и предельно романтизированной. Однако постепенно новая власть тоже стала использовать концепт стабильности (“Наша задача – восстановить стабильность украинской экономики”, “Ради сохранения стабильности в стране”). В сентябре 2005 года Виктор Ющенко предложил руководителям партийных фракций подписать знаковый “Пакт стабильности”.

³ InterPort. Новости 30.12.2000.

⁴ Украина 1991–2000. Движение в остановившемся времени. Материалы круглого стола в журнале “Політична думка” [электронный ресурс] <http://www.zerkalo-nedeli.com>.

Представления о стабильности в России и на Украине сильно различаются. Конкретная социальная, экономическая, политическая и культурная ситуация существенно модифицирует глубинную смысловую матрицу сознания стабильности

Иными словами, Украина, как и Россия, не избежала идеологизации и мифологизации стабильности в ситуации болезненных постсоветских трансформаций. Идеологема украинской стабильности имеет все шансы на успех, поскольку “доминирующей потребностью подавляющего большинства членов общества является потребность в социальной стабильности и государственном порядке” [Панина. С. 26]. Не останавливаясь подробно на том, действительна или мнима стабильность в России и на Украине, заметим, что интерпретация реальности как *позитивно стабильной*, *застойной* или *нестабильной* имеет большой потенциал воздействия на общественное сознание.

“Чувствуя стабильность”: эмоциональный компонент повседневных представлений о стабильности

Мы поставили перед собой задачу выявить глубинный, неосознаваемый уровень восприятия стабильности. Для этого были использованы психосемантические методы: свободный ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал. Использовались и такие методы, как проективный рисунок, временной тест Т. Котла (Т. Cottle), цветовой тест М. Люшера [Люшер]. Также задавался открытый вопрос.

Традиционно для изучения глубинных основ интерпретации концептов привлекаются студенты университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет. В связи с этим была сформирована квотная выборка – 552 студента вузов (296 человек – в России, 256 человек – на Украине). Были применены квоты по полу и типу факультета. Выборки равнозначны по важнейшим параметрам, которые, по мнению исследователя, могут влиять на репрезентации стабильности. Исследование проводилось в четырех населенных пунктах России и Украины (Москва, Омск, Киев, Ивано-Франковск). Опрос украинских студентов проходил в конце сентября – начале октября 2005 года, то есть после нашумевшей отставки Юлии Тимошенко с поста премьер-министра в самом начале осени. В России опрос проходил в те же сроки. Кстати, в нашей стране исследование являлось трендовым, поскольку было нацелено на изучение изменений внутри целевой группы с течением времени (с 2002 по 2005 год).

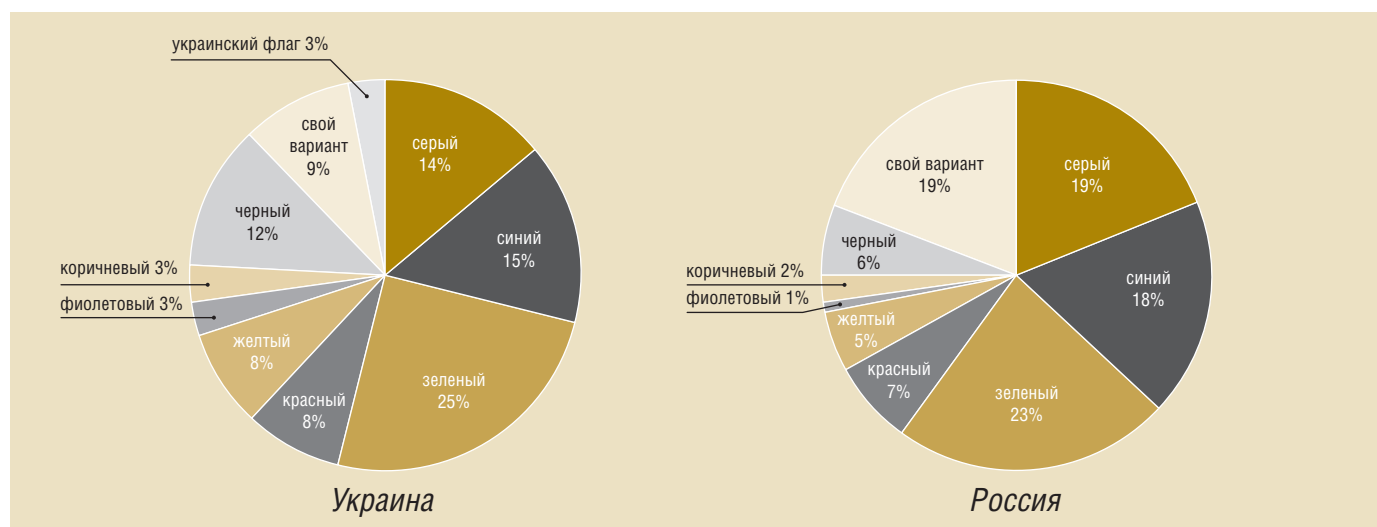

График 1. Восприятие стабильности. Распределение ответов на цветовой тест Люшера

Итак, эмоциональный компонент – обязательная составляющая социального познания. Это своеобразное двойное дно репрезентации, которое не осознается самими респондентами. Эмоциональные состояния способны трансформировать образ, увеличивая или уменьшая субъективный вес тех или иных деталей. С помощью теста Люшера были зафиксированы неосознаваемые эмоциональные состояния личности, возникающие при восприятии феномена стабильности. Отметим, что в концепции Макса Люшера каждому цвету соответствует устойчивое, общее для всех людей – независимо от расы, культуры, образовательного уровня, пола и возраста – значение (синий – спокойствие; зеленый – гибкость воли, настойчивость, постоянство; желтый – спонтанность, радость, активность; красный – движение, желание, сила; серый – потерянности, разделение, отчуждение; черный – отказ, негативизм и протест; фиолетовый – хрупкость и неуравновешенность; коричневый – физический дискомфорт и болезнь).

Модифицированный тест Люшера подтвердил наличие разных эмоциональных доминант в восприятии стабильности:

- спокойное принятие стабильности (синий, зеленый);
- радостное восприятие (желтый), динамичная акцентуация (красный);
- настороженное и даже болезненное отношение к стабильности (серый);
- печальная, негативная доминанта в восприятии (черный, серый, фиолетовый).

В целом респонденты обеих стран сходятся в ассоциациях стабильности с зеленым (25% – Украина, 23% – Россия) и синим (соответственно 15 и 18%) цветом (*график 1*). Однако у украинцев стабильность иногда связывается с цветами украинского флага (3%). Кроме того, они в два раза чаще россиян ассоциируют ее с черным цветом (12% против 6%). В то же время россияне значительно чаще отождествляют стабильность с серым цветом (19% против 14% в украинской выборке). Напомним: если черный цвет означает отказ и неприятие, то серый – потерянности, разделение, отчуждение. Вместе с тем можно допустить другую, “не люшеровскую” трактовку серого. Для многих этот цвет символизирует скуку, тоску, однообразие. Возможно, относительная российская стабилизация последних лет стала восприниматься как само собой разумеющаяся и поэтому вызывает отторжение определенной части российских респондентов, особенно молодых людей.

О значении эмоциональной составляющей в восприятии феномена стабильности свидетельствуют данные свободного ассоциативного эксперимента. Ведь именно через свои эмоции индивиды могут соотнести себя со стабильностью мира. Доля эмоционально-оценочных ассоциаций достаточно значима. Это такие слова, как “спокойствие” и “радость” (4% – Россия, 3% – Украина), “скука” и “тоска” (соответственно 3 и 2%)⁵.

В ходе исследования был также установлен телесный базис социального смысла понятия “стабильность”. Очевидно, что мы ощущаем устойчивость/неустойчивость обуви на высоких каблуках, роликовых коньках и проч. Повсе-

⁵ Здесь и далее приводится процент от общего количества ответов, а не от количества респондентов. При ассоциативном эксперименте второй показатель, как правило, значительно выше: респонденты обычно дают несколько ответов и очень редко не дают ответа вообще.

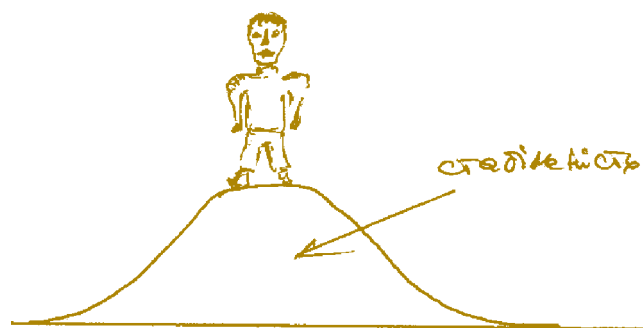

Рис. 1. Отражение телесного опыта стабильности в рисунках респондентов

дневность человека наполнена многочисленными ситуациями, в которых необходимо в большей или меньшей степени зафиксировать и даже отрефлексировать стабильность и равновесие тела: ходьба по льду, неустойчивость стула, высокие ступеньки лестницы, столкновения с прохожими, алкогольное опьянение и т. д. Ощущения стабильности тела в пространстве и внутренней устойчивости организма постоянно воспроизводятся в рисунках и ассоциациях наших респондентов. Стабильность в их ответах часто определяется через метафоры “твёрдо стоять на ногах” и “не кидаться из стороны в сторону”. На рис. 1 приведен типичный пример ассоциирования стабильности с физическим опытом человека – ощущением устойчивости/неустойчивости тела в пространстве.

Для социолога представляет интерес тот факт, что телесное сознание стабильности объективируется в языке и впоследствии активно перекликается с социальными смыслами. В результате создается богатая палитра метафор и символов стабильности. Оценивая социальные проявления стабильности, мы активно используем телесные репрезентации и тем самым натурализируем стабильность: “стабильность” = “застой”, “евро твёрдо стоит на ногах”, “Грызлов как стойкий оловянный солдатик”, “Саакашвили-канатоходец”, “Тимошенко как девочка на шаре” и проч.

“Ассоциируя стабильность”: нерефлексивный компонент представления о стабильности

Анализ свободных ассоциаций со словом “стабильность” позволяет выявить “внутренний язык” описания стабильности, инвариантный в близких культурах. Обратимся к основным смысловым различиям.

1) Стабильность – это постоянство, неизменность, равновесие, повторение (первое место по количеству ассоциаций и у российских, и у украинских респондентов – 23 и 15% соответственно). Следовательно, темпоральность, различение времени является важнейшим атрибутом смыслополагания стабильности. Соответственно, можно предположить, что стабилизационное сознание как бы высвечивает ту часть “смыслового поля”, которая мыслится как тождественная, повторяющаяся, неизменная. Некоторые развернутые ответы респондентов лаконично формулируют эту базовую идею: “сегодня так же, как и вчера и как будет завтра”; “так было, так есть, и так будет всегда”.

Визуальные образы стабильности активно актуализируют глубинные архетипы, тяготеющие к идее равновесия, порядка, вечности, постоянства: дом (11% – Россия, 14% – Украина), солнце (11 и 18%), дерево (5 и 9%), квадрат (по 4%); реже – круг, треугольник, пирамида и др. Однако словесные ассоциации с понятием "стабильность" почти не содержат явных архетипических символов, что свидетельствует о принадлежности слова "стабильность" к книжной лексике. Эта стилистическая окраска предполагает использование слова прежде всего в политической, законодательной, научной сфере. В повседневную жизнь оно, возможно, перемещается искусственно.

Временная перспектива "повторение" является частотной в ответах на временной тест Т. Коттла. Респондентам было предложено задание: *"Пожалуйста, с помощью трех кругов, обозначающих прошлое, настоящее и будущее, попробуйте изобразить свое представление о стабильной жизни. По Вашему усмотрению круги на листе могут располагаться где угодно и как угодно и могут иметь различную величину и цвет"*. Одинаковость кругов встречается в 18% российских рисунков и 20% украинских. Автономия и тождественность кругов может быть интерпретирована как медленное и спокойное течение времени. Одинаковость кругов, вероятно, свидетельствует и о возможности возврата назад. Так, Е. Головаха и А. Кроник полагают, что "чем короче хронологическая протяженность актуальных связей между событиями, тем более прерывистым переживается время" [Головаха, Кроник. С. 19–21]. Поэтому можно предположить, что, изображая стабильность с помощью прерывистых и одинаковых кругов, наши респонденты фиксировали рутинность, "одноитожество", ежедневность событий (микровремя, по Э. Гидденсу) (рис. 2).

2) Стабильность – это совмещение повторения и изменения. Несмотря на то что в вербальных ассоциациях слова "развитие", "движение", "прогресс" были низкочастотны (по 2% от всех ассоциаций), в рисунках респондентов смыслополагание взаимосвязи неизменности и изменения было более популярным. Так, 34% российских и 31% украинских студентов изобразили круги времени неодинаковыми и показали их прогрессию (рис. 3).

Думается, что такая временная перспектива стабильности соответствует времени жизненного пути человека – необратимому, линейному, динамичному. Заметим, что параллельные исследования других возрастных категорий показали, что прогрессивная модель стабильности популярна у респондентов обоих по-

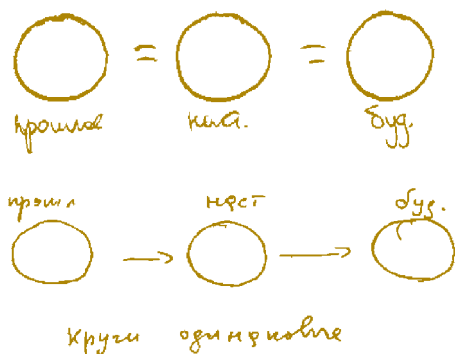

Рис. 2. Временная перспектива "стабильность = повторение"

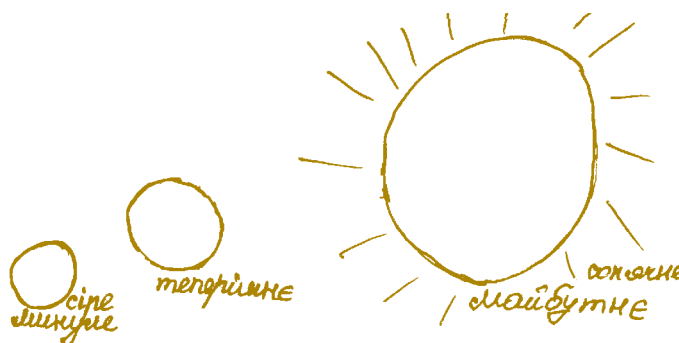

Рис. 3. Временная перспектива "стабильность = повторение + изменение"

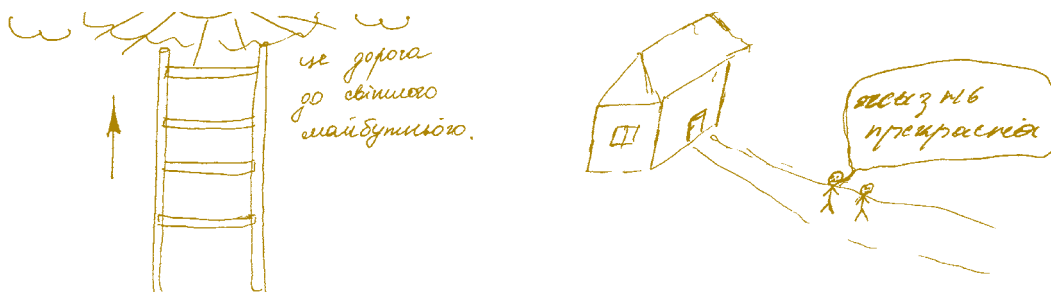

Рис. 4. Идеализация стабильности в рисунках респондентов

лов в возрасте до 34 лет. Респонденты старшего возраста значительно чаще выбирают модель “стабильность = повторение”⁶.

Нередко “прогрессивному” пониманию стабильности присущи идеализация и романтизация (рис. 4).

Таким образом, исследуя темпоральность стабильности, можно обнаружить действие *двойной временной шкалы*: микровремя стабильности как время рутины и макровремя как время движения от рождения к смерти. Это позволяет сделать вывод, что сознание стабильности является неким *временным медиатором*, гибко связывающим различные состояния временных точек. В зависимости от многих факторов можно “переключать” фреймы и тем самым *каналлизировать* восприятие стабильности: фиксировать либо повторяющееся время рутины, либо диалектичность жизни человека.

3) Стабильность – это уверенность: 12% ассоциаций российских респондентов, (2-е место в общем списке ассоциаций); 7% украинских ассоциаций (3-е место). Раскрывая смысл понятия “стабильность”, человек, основываясь на прошлом опыте и оценивая настоящее, имеет возможность в будущем “получить”, “чувствовать” ожидаемое и “обладать” им. Стабильность тем самым предполагает определенность, предрешенность, подотчетность, калькулируемость жизни. Понятия “стабильность” и “уверенность” сближаются настолько сильно, что один респондент сделал такое замечание: “Уверенность – это то же самое, что и стабильность в чем-то, а спрашивают именно, что это такое – “стабильность”, в чем она выражается”.

* * *

Данные семантического дифференциала также позволяют зафиксировать инвариантные, эмоционально насыщенные, слабоструктурированные и практически неосознаваемые различия в восприятии стабильности. Средние значения семантического дифференциала для российской и украинской выборок совпали с точностью от 0,05 (по шкале “добрая–злая”) и 0,06 (по шкале “веселая–грустная”) до 1,83 (по шкале “нежная–грубая”) и 1,67 (“светлая–темная”) (график 2). В целом российские и украинские респонденты более-менее единодушны в своих оценках стабильности. Критических различий между ответами не выявляется. Стабильность воспринимается как *умеренно-позитивное явление*.

⁶ Опрос жителей Омска, 2005 год, 514 человек.

Однако, несмотря на сходную матрицу представлений о стабильности, в смыслополагании этого явления присутствуют и незначительные *межстрановые расхождения*. Например, бросается в глаза более решительное определение стабильности россиянами как “долгой” (+2,68 против +1,37). Возможно, это объясняется относительной стабилизацией положения дел в России и “оранжевой революцией” на Украине. Далее, в сознании украинских респондентов стабильность представлена как более “безопасная” и “сильная”. В то же время оценочные характеристики противоречивы: стабильность для украинцев – более “веселая”, “хорошая”, “нежная”, чем для россиян, но менее “добрая”, “светлая”. Интерпретировать такие данные всегда сложно. Однако рискнем предположить следующее. В психосемантических исследованиях комбинация положительной оценки и параметра силы соответствует образу “правильного мира” – наш мир справедлив, и каждый в нем заслуживает того, что с ним происходит. Примером такого образа могут являться некоторые сказочные герои, которые одновременно и “хорошие”, и “сильные”. Иными словами, в сознании украинских респондентов стабильность оказывается более идеализированной и мифологизированной.

Возвращаясь к свободным ассоциациям, заметим, что для украинцев характерна более высокая степень обеспокоенности экономическими проблемами

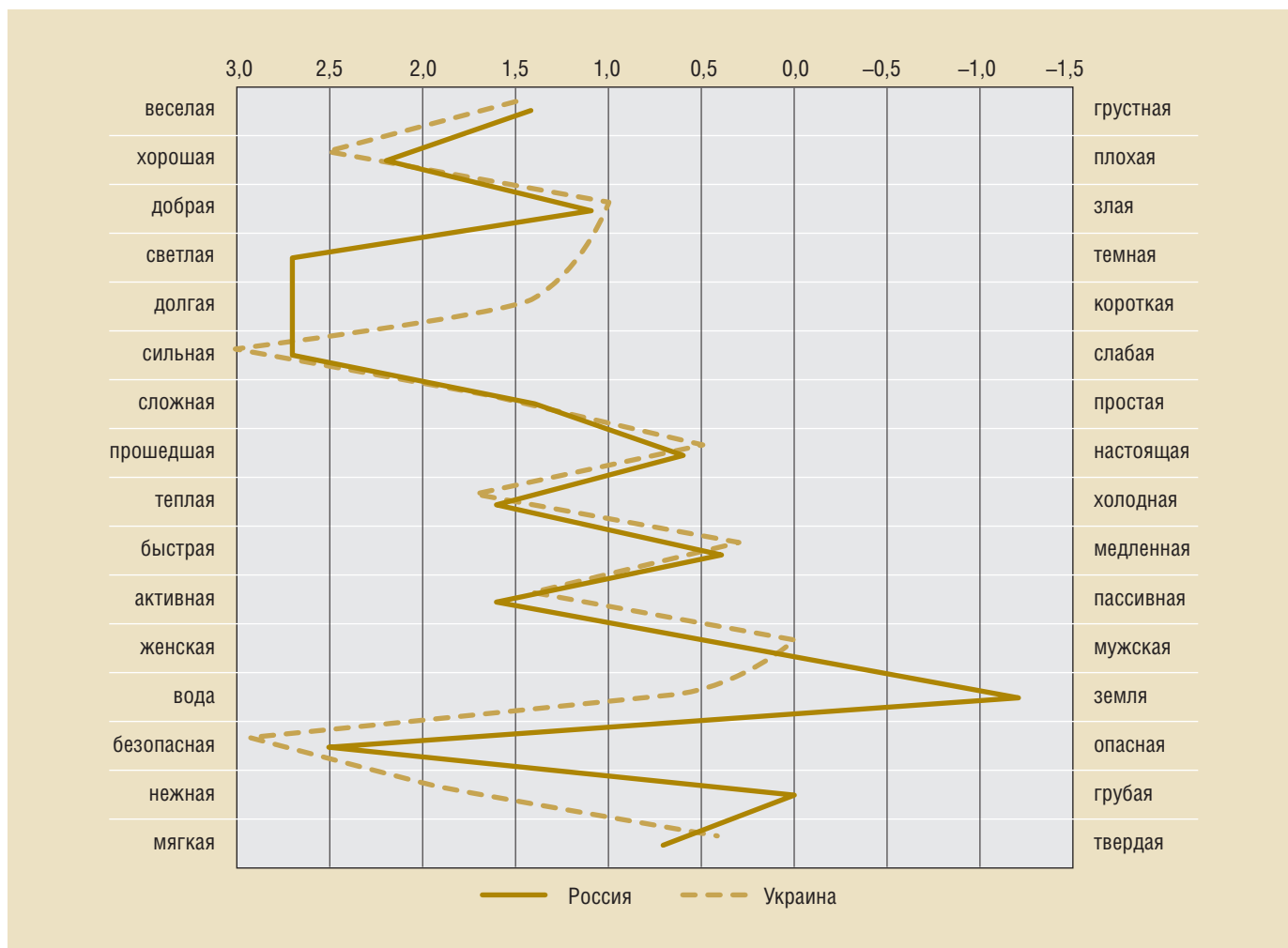

График 2. Семантические профили стабильности (средние значения семантического дифференциала)

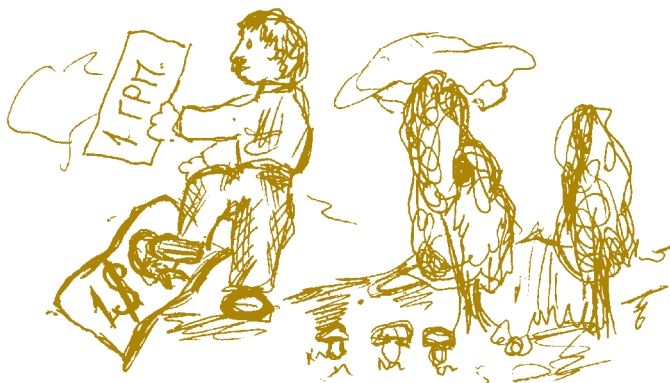

Рис. 5. Экономическое фреймирование стабильности в рисунке украинского респондента

(рис. 5). Экономические ассоциации занимают второе место после архетипических реакций и опережают другое весьма значимое различие – “уверенность”. Забегая вперед, отметим, что в ответах на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” украинские респонденты также более чем в два раза чаще россиян акцентируют внимание на экономической составляющей (32% против 14%).

Очевидна также высокая степень политизированности украинских ответов: ассоциации “независимость”, “демократия”, “государство”, “политика”, “стабильное руководство”, “Тимошенко”, “солидарность”, “справедливость” и др. занимают четвертое место. Ассоциация “незалежність (независимость)” составляет 2% от всех украинских ассоциаций.

В то же время в российских ответах политические символы находятся только на девятом месте и отличаются нейтральностью (рис. 6, 7).

Геополитические образы подчеркивают национальную специфику стабильности на Украине, а именно – необходимость найти баланс между Россией и Западом (рис. 8).

Обратим внимание на то, что довольно часто встречаются ассоциации типа “Украина, Европа, Евросоюз, Россия, США”, “независимость от Америки”. Тема России весьма болезненна. Приведем некоторые ответы, поскольку они впечатляют своей экспрессивностью.

“Стабильность для Украины – головой на Запад, спиной на Восток”; “способность противостоять наездам России”; “...и ни одного кацапа в пределах галактики... вот”; “ассоциация только одна: Россия. Это единственная на сегодняшний день зверюга, которая ставит Украине палки в колеса, чтобы любой ценой дестабилизировать на Украине все, что уже начало налаживаться”.

Для российских респондентов характерно сближение понятий “стабильность” и “порядок”. В нашем исследовании ассоциация “порядок” занимает 7-е место, опережая политические символы. По результатам украинского опроса, слово “порядок” занимает только 12-е место и может быть отнесено к низкочастотным реакциям (табл. 1). К сожалению, прокомментировать этот факт пока не представляется возможным, поскольку нам неизвестно, насколько такая ценность, как “порядок”, востребована в российском и украинском обществах. Можем лишь предположить, что украинские респонденты меньше ориентируются

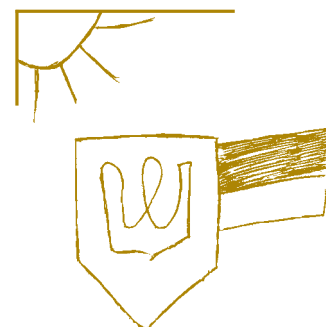

Рис. 6. Флаг и герб Украины как символы стабильности

Рис. 7. Флаг России как символ стабильности

Рис. 8. Геополитический образ украинской стабильности в рисунке респондента

ся на консервативную идею порядка, предпочитая ей традиционно украинскую идею независимости или же идею борьбы с коррупцией. Возможно, это связано с тем фактом, что СМИ, тексты рекламы, идеологическая пропаганда и т. п. формируют разные ассоциативные системы.

И, наконец, украинские ответы, хоть и незначительно, но все же чаще апеллируют к приватным ассоциациям: “дом”, “семья”, “любовь”, “брак”, “дружба” (5-е место – против 8-го в российской выборке). Комментировать этот факт довольно сложно. Осмелимся предположить, что тяжелое и непредсказуемое положение украинской экономики (а опрос проводился почти в разгар конфликта вокруг российских поставок газа) является фактором повышения доли и экономических, и приватных ассоциаций. Обратим внимание: в российских ответах больше нейтральных ассоциаций, в которых спокойно описываются признаки стабильности – постоянство, неизменность, равновесие и др. И экономические, и приватные ассоциации присутствуют, но их злободневность “смикширована”, сглажена.

Табл. 1. Рейтинг ассоциаций со словом “стабильность”

№	Россия	Украина
1	Постоянство, равновесие, неизменность	Постоянство, равновесие, неизменность
2	Уверенность	Деньги, экономика, работа, богатство и др.
3	Благосостояние, достаток, деньги, работа, зарплата, доход	Уверенность
4	Надежность	Независимость, демократия, политика, государство и др.
5	Спокойствие	Семья, дом, любовь
6	Благополучие	Благополучие
7	Порядок	Спокойствие
8	Семья, дом, любовь	Надежность
9	Политика, государство, закон, армия, Путин	Безопасность
10	Безопасность	Мир
11	Скука, тоска	Жизнь
12	Застой	Порядок

График 3. Распределение ответов на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” (отражены основные смысловые блоки)

“Рассуждая о стабильности”: рефлексивный компонент представления о стабильности

Поскольку задача всего исследования – послойная реконструкция смысла стабильности, важно было обратиться к рефлексивным представлениям об этом явлении. Необходимо было “заставить” респондентов “погрузиться в значение”: осмыслить, сопоставить, объяснить слово. Обратимся к ответам на открытый вопрос: “Что такое, по Вашему мнению, стабильность в обществе, в государстве?” (был использован модифицированный открытый вопрос, сформулированный Фондом “Общественное мнение”) (график 3).

Отметим общую тенденцию. И для россиян, и для украинцев стабильность – это уверенность в завтрашнем дне, благосостояние народа, достойный уровень жизни населения, постоянная работа (50 и 55% ответов). Вместе с тем в рамках этой доминирующей версии – на уровне подгрупп ответов – наблюдается некоторое различие: российские студенты в два раза чаще говорят об уверенности (28 против 14% в украинском опросе), а украинские – о материальной стороне стабильности (6% россиян и 12% украинцев). Как и в случае с ассоциациями, украинцы демонстрируют большую обеспокоенность по поводу материального благополучия.

Отвечая на открытый вопрос, украинские респонденты в очередной раз демонстрируют более высокую актуальность экономических проблем. Однако качественно ответы схожи – и украинцы, и россияне говорят о “бескризисной эко-

номике", "высоком ВВП", "развивающейся экономике", "стабильном бюджете", "высоком экономическом уровне", "финансовой стабильности", "постоянном курсе доллара", "низкой инфляции", "стабильных ценах" и т. п.

Различие имеется и в отношении констатации политических аспектов стабильности. Ответы украинцев на открытый вопрос, как и ассоциации, очень политизированы (38% против 25% в российской выборке). Расхождения не только количественные, но и качественные. Украинские студенты часто подчеркивают, что стабильность – это отсутствие "политических переворотов", "разных революций", "частых смен правительства", "кризисов и взлетов", "крайностей, грозящих существованию общества и государства". Они отмечают, что стабильность – это не только "постоянство власти", но и "достойный президент", "надежный президент", "хороший президент, порядок в парламенте", "президент, которого поддерживает население всей страны", "когда народ выбирает власть, а не захват власти под дикие танцы. И эта власть не должна быть революционной..." Иными словами, события "оранжевой революции" и отставка Ю. Тимошенко оказали огромное влияние на восприятие стабильности.

В ответах россиян чаще прослеживается тема сильной политической власти, причем оценивается она и негативно, и позитивно (рис. 9).

Персонафикация стабильности в украинских ответах весьма широка и политически "разношерстна". Тут упоминаются и Л. Кучма, и В. Янукович, и В. Ющенко, и Ю. Тимошенко (рис. 10).

Отметим еще одну любопытную тенденцию. В украинских ответах присутствует тема стабильности как *антикоррупции*. Она не очень сильно выражена, однако проявляется и в ассоциациях, и в ответах на открытый вопрос.

"Честность, антикоррупция", "отсутствие коррупции", "непродажность власти", "когда депутаты перестанут воровать".

Актуализация темы коррупции закономерна в ситуации острых дискуссий относительно высокого уровня коррупции на Украине.

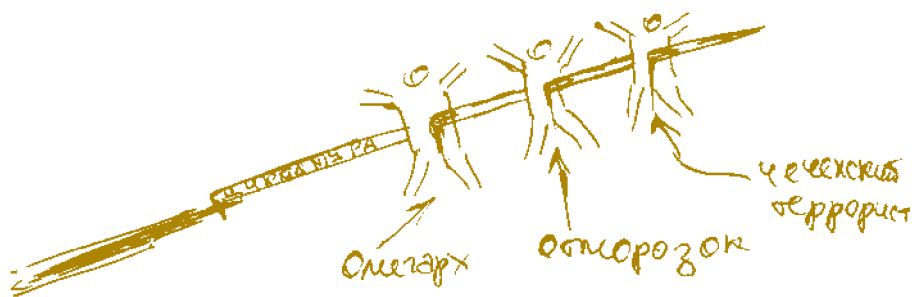

Рис. 9. Тема сильной российской политической власти в восприятии стабильности

Рис. 10. На рисунке украинского респондента стабильность персонафицируется в лице Ю. Тимошенко

Российские студенты также подчеркивают важность *жизни без политических потрясений*. Однако эта тема их тревожит меньше, чем украинцев (соответственно 5 и 3%). Можно проследить некоторое смещение к теме *“сильной власти”, “правильного руководства страной”, “удачного политического курса”*. Стабильность персонифицируется В. Путиным, Л. Брежневым, А. Пиночетом.

В ответах украинцев на открытый вопрос очевидно сближение тем стабильности и независимости.

“Жить в независимом государстве, которое заботится о своих людях”, “возможность Украины быть на равных с развитыми странами, иметь все свое: язык, денежную единицу”, “независимость страны на международной арене”, “независимость Украины, здоровье нации”, “признание государства в мире” (открытый вопрос; 3%).

В ответ на просьбу сформулировать сущность “стабильности по-украински” один респондент привел фразу из гимна Украины: *“Запануєм і ми, браття, у своїй сторонці”*.

Украинские респонденты чуть чаще апеллируют к теме *отношений государства и общества* (4% против 2% в российском опросе), однако качественно российские и украинские ответы схожи.

“Государство, заботящееся о своих гражданах”, “равновесие между властью и народом”, “власть думает о людях”, “взаимопонимание между людьми и государственными институтами”, “когда власть и народ – одно целое” (открытый вопрос).

Выяснилось также, что украинские студенты в большей степени обеспокоены проблемой *спокойствия в обществе* (30% против 20% ответов в российском опросе). При этом украинцы чаще говорят, что стабильность – это консолидация общества. Они чаще используют морально-этические суждения.

“Каждый друг другу помогает”, “взаимопонимание между людьми”, “взаимопомощь”, “уважение друг к другу”, “отзывчивость и уважение” (открытый вопрос).

Страхи перед расколом страны являются импульсом к следующим трактовкам стабильности.

“Упорство в достижении одной-единственной цели всем обществом”, “общая цель одного народа, одной нации”, “гордость за свою страну, патриотизм”, “единство нации”, “отсутствие разногласий” (открытый вопрос).

Впечатляет активное обращение украинских респондентов к теме *стабильных моральных ценностей* (7% против 3% в российской выборке). Причем помимо констатации стабильности как постоянства взглядов, традиций, принципов и т. п. для украинских респондентов характерна определенная идеализация стабильности.

“Развитие духовности”, “развитие культуры”, “морально-этические принципы, а не материальная заинтересованность”, “внутренняя свобода”, “добродетель”, “высокий уровень морально-этических ценностей”, “повышение уровня культуры и интеллекта”, “честность и открытость”, “рост духовных благ”, “у каждого должна быть мечта”, “отзывчивость, высокий моральный уровень” (открытый вопрос).

Дискурс “оранжевой революции” был нацелен против риторики стабильности. Образ реформ, изменений и новой Украины был несовместим с догматикой прежней власти. Однако постепенно новая власть тоже стала использовать концепт стабильности

По сравнению с такими ответами российские формулировки выглядят сухими и формальными.

Показательна попытка некоторых украинских респондентов создать картину стабильности по-украински, исходя из культурной специфики. Иллюстрацией может служить обращение к образу украинского хозяина.

“Украинцы – это хозяева. Любят дом, землю, работу, семью, мир на улице и в стране. Когда это имеют, то говорят, что все стабильно. Вот у меня знакомый украинец живет в России, в Туапсе, Краснодарский край. У него возле дома земли не было, а только камни и скала. Так он каждый год туда возит тачками землю и насыпает, чтоб помидоры вырастить. Все соседи – русские, армяне – только с него смеются. От, говорят, хохол, любит огород. А я знаю, зачем он это делает. Стабильность украинскую себе делает!”

“Украинец сам себе делает и жизненный уровень, и стабильность. Своими руками. И пока в России все это халявное (нефтегазовое), нечего о ней даже и говорить” (открытый вопрос).

Российские студенты чаще рассматривают стабильность как мир и отсутствие войны (10% против 6% в украинской выборке). Это закономерно для общества, где сильна мифология “лишь бы не было войны”.

И, наконец, отметим, что, отвечая на открытый вопрос, и россияне, и украинцы (причем россияне вдвое чаще: 6 и 3% соответственно) обращают внимание на отсутствие стабильности – как на ее невозможность в принципе, так и на ее отсутствие в своих странах. В такой негативной оценке присутствуют и национальные особенности. На Украине, считают респонденты, говорить о ста-

бильности бессмысленно – в ситуации смены власти, напряженных политических выборов и неопределенности будущего (еще раз напомним: опрос проводился в сентябре 2005 года). В России же заявление о нестабильности носит иной характер, а именно – полемически направлено против идеологии, транслируемой властями и СМИ. Заметим, что украинские респонденты иногда указывают на роль России в дестабилизации положения на Украине: *“разные кацапы вмешиваются в наши дела”*.

Следует отметить еще один важный момент. Хотя в процессе исследования влияние СМИ на формирование сознания стабильности не изучалось, есть основания утверждать, что способы интерпретации стабильности в значительной степени формируются дискурсом СМИ. Два разных “телевизора” формируют два разных образа стабильности.

Заключение

Итак, сопоставление репрезентации стабильности у российских и украинских студентов было проведено для выявления смыслового ядра и периферии сознания стабильности. Зафиксировав инвариантные, общие для России и Украины смыслы, можно заключить, что сознание стабильности – модус социального сознания, имеющий темпоральную природу (различение повторяемости и изменчивости временных точек) и направленный на различение основных онтологических дилемм (“уве-

Словесные ассоциации с понятием “стабильность” почти не содержат явных архетипических символов, что свидетельствует о принадлежности слова “стабильность” к книжной лексике. Эта стилистическая окраска предполагает использование слова прежде всего в политической, законодательной, научной сфере – в повседневную жизнь оно, возможно, перемещается искусственно

ренность–риск”, “порядок–хаос”, “идеал–фикция”). Несмотря на близость к наиболее архетипичным идеям социального знания, стабильность может рассматриваться как смысловое новообразование, появившееся под влиянием роста социального риска и пришедшее в обыденный язык через средства массовой информации.

Феноменология стабильности в украинских и российских репрезентациях – сходная. Однако специфические наборы российских и украинских практик формируют разные фреймы сознания стабильности. В первую очередь качественно изменяются периферийные фреймы, связанные с актуальным дискурсом стабильности: экономические, политические, национальные образы. Однако в проекции страны проживания сознание стабильности не сводимо к простой совокупности актуальных тем. Разный социальный контекст определяет различные приоритеты фреймов. В более напряженный период политических и экономических трансформаций на Украине происходит политизация интерпретации стабильности и одновременная редукция к малому социальному кругу (семья, любовь, дружба). В относительно устойчивой российской ситуации (с элементами инерции и авторитарных тенденций) формируется консервативно-депрессивный образ стабильности (“лишь бы не было войны”).

Результаты, полученные на выборах студентов, не могут быть перенесены на всех представителей культуры из-за нерепрезентативности данных. Однако использование глубинных психосемантических методов и специфика исследовательских задач отчасти сглаживают это обстоятельство. Можно констатировать, что для украинских репрезентаций в большей степени характерен радикальный дискурс стабильности и более экспрессивная риторика. Российские респонденты склонны к более спокойной риторике и печально-депрессивной тональности при обсуждении темы.

В напряженной политической и экономической ситуации на Украине происходит политизация интерпретации стабильности и одновременная редукция к малому социальному кругу (семья, любовь, дружба). В относительно устойчивой российской ситуации (с элементами инерции и авторитарных тенденций) формируется консервативно-депрессивный образ стабильности

Литература

- Головаха Е.А. Выборы президента Украины в социологическом ракурсе // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1999. № 4.
- Головаха Е.А., Кроник А. Психологическое время: удивительное свойство сжиматься и прерываться // Знание – сила. 1983. № 11.
- Дубин Б.В. Возьми себя в сильные руки // Огонек. 15.10.2004.
- Люшер М. Цветовой тест Люшера. М.: ЭКСМО-пресс, 2002.
- Панина Н.В. Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной анонии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 1.
- Шаповаленко М. Нестабільна стабільність перехідних суспільств, або політологічні рефлексії з приводу феномена української стабільності // Контекст. 2001. № 7.
- Юрьева Т. Дневник культурной девушки. Серия “Очевидцы”. М.: РГГУ, 2003.